

И. Я. Лосиевский

Харківська державна академія культури

«Я — цветок осенний...». Поэзия Вадима Сидура

Лосієвський І. Я. «Я — квітка осіння...». **Поетія Вадима Сідура.** У статті висвітлено духовні та естетичні константи, художню своєрідність поетичного світу Вадима Сідура (за матеріалами збірки 1990 р. «Самая счастливая осень. Стихотворения 1983–1986 гг.»).

Ключові слова: *поетичний світ, еротична поезія, мотив, ремінісценція, Сідур.*

Лосиевский И. Я. «Я — цветок осенний ...». **Поэзия Вадима Сидура.** В статье рассмотрены духовные и эстетические константы, художественное своеобразие поэтического мира Вадима Сидура (на материале сборника 1990 г. «Самая счастливая осень. Стихотворения 1983 — 1986 гг.»).

Ключевые слова: *поэтический мир, эротическая поэзия, мотив, реминисценция, Сидур.*

Losievskiy I. J. «I'm an autumn' flower». **Poetry by Vadim Sidur.** Spiritual and aesthetic constants, unique charm of poetical world of Vadim Sidur are considered (based on the materials of the collection of 1990 "Samaya schastlivaya osen. Stikhotvoreniya 1983 — 1986". ("The happiest autumn. Poems of 1983 — 1986").

Key words: *poetic world, erotic poetry, motif, reminiscent, Sidur.*

Особое место в истории новейшей русской поэзии принадлежит сборнику «Самая счастливая осень. Стихотворения 1983–1986 гг.» (Москва, 1990), автор которого — всемирно известный скульптор и художник Вадим Сидур (1924–1986) [7]. До второй половины 1980-х о нем говорили и писали только за рубежом. Не нужен был Сидур «передовому советскому искусству», молчала критика. Открытие *поэта* Вадима Сидура произошло в конце 1980-х гг. в России, а основная часть его прозы еще ожидает публикации, первое такое издание — «Памятник современному состоянию : миф» — вышло в 2002 году [5].

Мастер, многие годы воплощавший свои замыслы в глине и камне, картоне и металле, неожиданно обратился к новому для себя — словесному материалу. Это было осенью 1983 года на даче в Алабине. Сочинение стихов, вспоминает Юлия Сидур в послесловии, сделалось тогда для него «таким же естественным состоянием, как работа в скульптуре или ежедневное рисование» [6:154; далее ссылки на страницы этого сборника в тексте, в круглых скобках].

Обычно к сентябрю Сидур перебирался в город, а в этот раз задержался надолго, безудержно рисовал и писал стихи, упоенный красотой алабинской осени. Стихи хлынули, как многоцветный обвал бездомных листьев, как наваждение. Речевой поток, открытый

всем ветрам, — и ни к чему знаки препинания (у Сидура их нет). Сквозь крошево случайных слов начинали проступать контуры того, что, может быть, еще ни разу не удавалось воплотить Сидуру-скульптору. «Самая счастливая осень» — излучения ее обнаруживались до лета 1986-го, последнего лета Мастера. Стихотворческий дар проявился у него поздно (редкий случай в истории русской поэзии), но Сидур благодарил судьбу за то, что *не опоздал*, что ему посчастливилось пережить и это. Между прочим, судьба если и баловала его, то весьма своеобразно: все, что стало *вестью* Вадима Сидура, создано им за 23 года между первым и вторым инфарктами. Такой вот подарок судьбы...

В больнице, за несколько недель до смерти, Сидур записал в ученической тетрадке:

Гражданином могу не быть / Но поэтом
обязан (с. 157).

Естественная реакция художника, свободного духом, на грубый окрик «С кем вы, мастера культуры?», длившийся десятилетиями. Сидур не желал быть в рядах тех, кто вдохновлялся решениями съездов и сборниками окаменелых догм. Он видел, сколько лжи напластовалось вокруг, но уезжать никуда не хотел, зная, что за границей не будет ему жизни без Алабина. В книге точно указано место: «Эпоха безвременья». И время: «Время цветенья» (есть ведь и осенние цветы).

В постсталинском социуме человек пребывает в равновесии страха.

Боюсь людей правящих нами / Страхушь живущих рядом (с. 121) —

такова формула повседневной жизни, но есть и глубинный страх:

В Бога не веря / Боюсь Его кары (с. 122).

Можно ли спрятаться в Алабине от «сталинских порядков» и «андроповских жизненных вопросов», от собственных страхов?

Идиллические описания алабинских вечеров, когда «кухня полна уюта», милых простых вещей, а любящий взгляд поэта чуть ли не увлажнен слезами умиления, могли бы иметь эпиграф из Катуллы: «Будем, Лесбия, жить, любя друг друга...» (пер. С. Шервинского) [2:7]. Такова и картина семейного чаепития на полянке, в окружении старых елей в зеленых ливреях и «райских птиц» — сорок, синиц и дятлов, угощающихся с тарелок хозяев. Это «счастье земное воочью», однако нет здесь пищи для хищного клюва пародиста-пересмешника: авторское чувство умиления мгновенно, а только что прозвучавшая строчка о земном счастье рифмуется с такой:

Алабино — крик алкоголика ночью...

Алабино —

Лес погибающий в муках / Островок обреченный / Между шоссе и железной дорогой (с. 4, 13).

Кстати, о рифмах Сидура. В стихию верлибра, преобладающую в «Самой счастливой осени», проникают обрывки метра и ритма. Рифмы у Сидура естественны в своей банальности и возникают внезапно, но когда это необходимо поэту. Подобно тому, как «духовный» неизбежно рифмуется с «греховный», — в жизни часто переплетается то и другое.

Идиллия не совсем получается. ЧП в Алабине: хозяйский дом ограблен. Вор, оказавшийся соседским парнем, так объясняет причину:

В это лето / Вы долго не приезжали
Думали вы все перемерли / Вот мы вещи ваши и сперли (с. 33).

Стихотворение, откуда взята эта цитата, «украшено» фольклорными зачином и концовкой наподобие задорных грубоватых частушек — это у Лешки Брусова (обычного парня — а то, что дом алабинский некогда обнес — с кем же такого не бывает?) сегодня день рождения, народ гуляет.

Теперь Лешка отец семейства / Женился дважды

Выпивает / С кем этого не бывает (с. 33).

Веселые и простодушные, в общем неплохие соседи у поэта — как «весь советский народ». И всюду — «Крыши чужие / Соседей заборы»(с. 35). Братались разве что за стаканом, с последующим доносом — на того, кто был менее осторожным. Оттого-то и признается герой Сидура:

Чувствую себя прибором / Для измерения страха

Справа наш страх / Страх чужой слева (с. 121).

Это — о разобщенности душ, о нелюбви. О противостоянии «двух мировых систем» и о том, что творилось в душе каждого человека. Предощущением катастрофы наполнены многие строки Сидура — скульптора, создавшего образы Ужаса, Скорби и Памяти, «отца Гроб-Арта», как он именовал себя без черного юмора. Чернобыльская катастрофа была предсказана им в скульптурных образах, в цикле рисунков «Мутации».

Кто же он такой, лирический герой Сидура? Может показаться, что это и не герой вовсе, а лирический субъект. Страшавшийся всего и взывавший к Богу, в которого не верит. Но преодолевая страх, распахивая душу настежь — без оглядки на кодекс запретов «Эпохи безвременья», — герой Сидура преодолевает ее губительное притяжение. Седой «безумец», устроивший пир во время чумы, спасающийся Любовью, Теплом Домашнего Очага, Красотой Осени и Мироздания.

Герой осознает себя частицей этой Красоты, хрупким Нарциссом — «В последнем цветении», единственным, неповторимым, обреченным.

Меня почти не осталось (с. 109, 111).

Не случайно строчка «Я — цветок осенний» становится рефреном, сквозным мотивом, начальной строчкой многих стихотворений, вошедших в эту книгу.

Я — цветок осенний / Всю жизнь на мне гадали

Лепестки обрывали

Да — нет / Любит — не любит / Будет — не будет

Один лепесток остался

НЕТ / НЕ ЛЮБИТ / НЕТ / НЕ БУДЕТ / НЕТ (с. 116).

Но и здесь, «у бездны на краю», не оставляет героя, мучает и возвышает жажда превращений, жажда новой жизни, так напоми-

нающая об осенней бабочке Басе: «И осенью хочется жить / Этой бабочке: пьет торопливо / С хризантемы росу» (пер. В. Марковой) [1:46].

Герой утратил молодость и почти все, что у него было или могло быть, с девятнадцати лет ИОВ (не библейский — нынешний, инвалид Отечественной войны, поясняет автор).

Гипертония с молодости / Инфаркт
в тридцать шесть

Болезнь пиореей / Была гонорей / Простатит / Аденома

Многие болезни позабыл / Ослабела память

Как вы чувствуете себя сейчас / спросил доктор

Я — цветок осенний / Ответил пациент / Мечтаю о любви (с. 133).

Поэт Вадим Сидур — это ошарашивающая эстетов от соцреализма откровенность в передаче любовного чувства в полном спектре его проявлений, обостренное эротическое зрение — когда заметна

Женского начала / Элементарная частица (с. 96).

Это совсем не то, что есть порносатира и порнохотма а-ля Барков, где, надо полагать, к «чистой» сублимации полового влечения примешивается обида на Природу: мужчина порой презирает половой акт, но обойтись без него не может, как мудро заметил Дэвид Герберт Лоуренс.

А что есть литературно-художественный «русский Эрос»?

Эротическая литература хлынула на постсоветский книжный рынок обильно и многообразно, но большинство сочинений в стихах и прозе, разрекламированных предприимчивыми издателями как «художественно-эротические», к художественной литературе отнести нет никакой возможности, а эротичны они в том же смысле, что и похабные надписи и рисунки в общественных местах, весьма распространенные еще у древних греков и римлян. Подобные творения находим в сборнике «Три века поэзии русского Эроса», выпущенном в 1992 году издательским центром драматического театра-школы «Пять вечеров», и в сборнике «Русская эротическая литература XVI–XIX вв. Избранные страницы» (Иркутск: ИКСЭС, 1991), и в ладомирской антологии с научным справочным аппаратом «Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова» (Москва, 1992). Несмотря на профессиональный уровень исполнения, нет никакой возможности отнести к большой литературе и появившийся недавно пародийно мистифицированный «пере-

вод» якобы сви́фтовских «Эротических приключений в некоторых отдаленных частях света Лемюэля Гулливера...» (Санкт-Петербург, 2005, 2009). Конечно, это — бульварная порнолитература, где нет места высокохудожественной эротике.

Спору нет, порнотексты тоже достойны внимания исследователей — культурологов, социологов, психологов, сексологов и сексопатологов, лингвистов, биографов, наконец, но возможно ли, так сказать, комплексное литературоведческое исследование того, что находится, в основном, за пределами художественной литературы? Отважмся заметить, что таковыми являются не только анонимные порнопоэмы XIX века, но и некоторые (конечно, не все!) пушкинские опыты эротического содержания.

Сочиняя вирши а ля Барков, «эротико-приапейские стихотворения», как тогда это именовалось, Пушкин не ставил перед собой мало-мальски значимой *литературной* задачи, но попутно не мог отказать себе в удовольствии, пародийно используя известные поэтические формулы, — вот она, скудная пища литературоведа! Эти тексты были предназначены для узкого круга друзей-мужчин — того блестящего круга, в котором, по воспоминаниям современников, в час всепьянейшего «веселого пира» не находилось иных точных и надежных слов, кроме матерных. Вполне привычная для русского уха лексика, но не будем же мы всерьез говорить об идейно-художественных достоинствах полупьяного трепа и миролюбивой кабацкой ругани старых приятелей, пусть даже и прославленных литераторов. Тут уж не до стилистических тонкостей и поэтических условностей... Очевидная литературная недоработка, композиционные просчеты в таких сочинениях русского гения, как «Тень Баркова» (авторство Пушкина предположительно) или «Царь Никита и сорок его дочерей», — это и приметы высвобождения сублимированной сексуальной энергии, уже не вполне поддающейся не то что корректировке — управлению. Уместно вспомнить в связи с этим 151-й сонет Шекспира в переводе С. Я. Маршака.

Тобою предан, я себя всецело / Страстям простым и грубым предаю.

Мой дух лукаво соблазняет тело, / И плоть победу празднует свою [3:159].

Пламя «простых и грубых» страстей Пушкину удается слегка притушить насмешкой, сводящей на нет ожидания позднейших читателей (об этих всезнайках неосторожный наш поэт как-то не подумал), помышлявших

о гармонических звуках, в коих могло бы навеки запечатлеться памятное автору эротическое событие...

Значит ли это, что и Пушкин порой... графоманствовал? В известном смысле — да. Не все же классику классиково, можно и побезобразничать, поиграть в *противление вкусу*. Только это уже не Парнас, а *Порнас*, если позволено будет так сказать. Непристойность остается, прежде всего, непристойностью даже в устах классиков, будь то Пушкин или, скажем, Некрасов, в соавторстве с Дружининым написавший препрохабнейшую «Похвальную песнь Васиньке». Не потому ли, что «срамной» была эта тема в русской литературе, стеснялись служители «русского Эроса» писать об этом без кабацкого озорства и мата, без оглядки на соответствующую аудиторию. Но и прекрасные исключения были.

У эротики Сидура — другие истоки, начиная с Библии, с любовных элегий и посланий Овидия, с пушкинского же стихотворения начала 1830-х годов «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...». Кстати, с этим стихотворением генетически связаны такие совершенные проявления эротической образности в русской лирике, как пастернаковская «свеча» и набоковское «пламя», поэтическая классика XX века.

«Самая счастливая осень» Вадима Сидура — это поразительная по искренности и силе мужская эротическая поэзия — человеческая по сути, без физиологической приземленности, без «клубнички» и усмехающей физиономии сочинителя. Ни тени игривой скабрзности, а наоборот, глубокий гармонический вздох, пронзающий эпохи и поколения: «Жаль семени моего / Растраченного / Впустую» (с. 81).

Стихотворение «Целую светлую челку...» — одно из лучших в русской эротической поэзии. Может быть, это произведение, где авторски преображается поэтика библейского текста, и есть Песнь песней XX века.

Целую светлую челку / Маленький лоб
без мыслей

Два глаза серых / Покрытых тонкими веками

Короткие реснички / Теплые губы

Слабую шею / Косточки ключиц / Подмышек впадинки

Красные крошечные сосочки / На груди безгрудой

Стучащее сердце / Под гибкими ребрами

Пупка ямку / На животе впалом

И / Останавливаюсь / На середине

На бугорке / Золотым пушком покрытом

С другого конца начинаю / Целую

Шевелящиеся тонкие пальчики / На узких ступнях

Гладкие голени / Покалывающие мое лицо / Невидимыми волосками

Коленей розовые чашечки / Ласковых бедер нежную кожицу

Белую прозрачную шелковистую

И / Останавливаюсь / На середине

На огнедышащей шелке / Ведущей внутрь тела

Так / Никогда / Не смог

Расцеловать / Свою / Длинную / Возлюбленную

Всю / Целиком / Сразу

Всегда / Останавливался / На / Середине

(с. 98).

И разве не с пушкинской «красавицей, которая нюхала табак», связан другой сидуровский текст? Великий поэт (тогда еще совсем юный) мечтает, будучи превращенным «в прах», попасть в «персты нежные» красавицы, рассыпаться «на грудь под шелковый платок» — «И даже ... может быть...» [4: т. 1:51]. У поэта нет больше слов, перехватило дыхание (лукавит, конечно, все-то он уже знает и может).

У Пушкина игривое настроение, он сыплет двусмысленными шуточками. Сидуровский «цветок осенний» серьезен, он словно читает молитву, и эта серьезность сочетания страсти и нежности психологически и художественно убедительно.

Пусть сорвет меня / Какая-нибудь / Пятнадцатилетняя

Своей безжалостной / Молодой ручкой

Сунет себе за пазуху / Между двух маленьких

Грудей / С розовыми сосочками

Где я погибну / Задохнувшись

Нестерпимым ароматом / Ее тела
(с. 115).

Он устремлен туда же, легко перемахивая через запретительные барьеры, без улыбок и намеков, столь частых у донжуанствующих (главным образом, словесно) молокососов. О тайной жизни тела и души Сидур говорит, повторим, совершенно серьезно, это разговор о сокровенном, и повзрослевшему Пушкину, вне всякого сомнения, понравились бы взрослые сидуровские вариации на тему его игривого лицейского стихотворения:

...хочу быть пальчиком / На девичьей ручке

Когда ее хозяйка / Пробудившись от детства

Бесхитростно наслаждается / Сама с собой

О возлюбленном / Грезя (с. 117).

Следует отметить, что и во многих других стихотворениях Сидура присутствуют мотивы, близкие набоковской «Лолите». «Безумная» любовь героя «Самой счастливой осени» созвучна его же «искушению зеленому», тяге к обвивающей ласке нежного зеленого цвета — «на старости лет». Слышится здесь и розановский клич «Больше любви, больше любви, дайте любви. Я задыхаюсь в холоде» («Опавшие листья»). И мандельштамовское «...все движется любовью».

Герой всматривается в «Светящуюся тьму искривленных пространств памяти» и, глядя на девочку, вспоминает о юности своей возлюбленной. Он уже не в силах оторваться от истока и странно ему видеть ее седые волосы, и безгранична его нежность к любимой женщине, для него навсегда оставшейся семнадцатилетней.

Мы говорили об отчетливо проявившемся и развившемся мужском начале в эротических стихотворениях Сидура, но для поведения его героя характерны и элементы транссексуальности, стремление объять всю полноту любовного чувства. Это не «измена» собственному полу, а частичное преодоление его, без которого невозможно сопереживание любящих и непрочен их союз. Как в Библии: «...и будут одна плоть» (Быт 2, 24).

Всеобъемлющим пристальным взглядом охватывает поэт все живое. Когда его герой едет на велосипеде, главное для alter ego Сидура — «не задавить кого бы», например, паука или сонную осеннюю муху, тех, кому не ведомы правила движения, установленные людьми для людей. Он переживает за судьбу двух молодых елок, растущих у забора: «Каждый зарезать может» (с. 38). Не срубить, сломать — зарезать. Очеловечивая деревья, Сидур и сам приобщается к их зеленому братству. В строчках, приведенных ниже, при желании можно усмотреть и державинские реминисценции — трансформацию одного из мотивов «Анакреонтических песен».

Если бы семя мое / В землю попав да-
вало ростки
Мой алабинский сад / Цвел бы сейчас
Невозможными в природе растениями
Молодыми девушками / Нежными жи-
выми изваяниями (с. 82).

* * *

Березы алабинские осенние
Рыжие / Голубоглазые / Белотелые
Возбуждают эротические желания
Весну Ботичелли напоминают (с. 83).

Все живое неотрывно от пульса и дыха-
ния героя, он постоянен в своей готовности

быть животворной силой Природы: «Непреодолимо к вам вождельенье / Прелюбодеяние неизбежно» (с. 85). Березы, яблони, сосны и ели — родные его сестры и любовницы, стали одной плотью люди и деревья. «Двух старых берез тени» (с. 22) превращаются в светлые образы ушедших родителей.

У Сидура обостренное чувство порубежья жизни-смерти, живого-неживого. Вот казалось бы довольно традиционный антивоенный, «планетарно-гуманитарный» поворот темы. Но посмотрите, «из какого сора» поэт-скульптор лепит образ мировой катастрофы: куклы, выброшенные на помойки, —

С выколотыми глазами / Распоротыми
животами

Снова убитые / Дети Европы (с. 44).

Сделавшие их люди не обладали гением Пигмалиона, но вольно или невольно вдохнули в эти беспомощные тельца частицу своей души. И не вина деревянных и пластмассовых человечков, что судьба их сложилась похуже, чем у Буратино и его друзей. Взгляд Сидура не в силах оживить их, но поэт-скульптор — один из немногих, заметивших, что они *были живы*.

Трепетное живое Сидур обнаруживает всюду, любя его, сострадая и радуясь ему, пусть даже ущербному, уродливому, недоразвившемуся. Вина ли девочки-«дебилки» в том, что осуществление ее личности не вполне отвечает Замыслу — тому самому, по образу и подобию Его? Но и в ней, «неразумной», есть отблеск тайны Творения.

Желтый берет с помпоном / Красная
куртка / Зеленая юбка

Длинная девочка в очках / собирает букет / из кленовых листьев

Сама на осенний листок похожа

Очки на лице сверкают / Каплями росы
осенней

Странны ее движенья / Заплетаются
руки / Спотыкаются ноги

Лицо дебилки в блаженной улыбке

Радуетя неразумная дева / Листу
с кленового древа / А мне чудится Ева

К девочке этой длинной / Чувствую
я влечение

Чую души ее притяжение / Испытываю
к ней нежность

Дебилки восторг разделяя / Вообра-
жаю себя

Ее отцом / Братом / И даже Адамом

Душ наших родство несомненно (с. 35–36).

Незадолго до смерти Сидур написал: «Умрут все / Никто не воскреснет / Только
Лето вернется / Если войны не будет» (с. 93).

Вернулась и навсегда останется в русской поэзии и «безумная» алабинская осень, «Время цветенья» последней любви. А тем, кто убежден, что нет ощутимой разницы между порнографией и художественной эротикой, советуем прочитать или перечитать хотя бы несколько строк из «Любовных элегий» Публия Овидия Назона или из «Поцелуев» Иоанна Секунда, или из «Любовных стихо-

творений» Пьера де Ронсара — если не в оригинале, то в добротных переводах С. В. Шервинского и В. В. Левика. Или прочитать «Самую счастливую осень» Вадима Сидура, взглянуть на включенные в эту книгу репродукции его рисунков, которые образуют единое целое с текстом: оказывается, у «Самой счастливой осени» есть еще одно — графическое измерение.

Литература

1. Басе. Стихи / Басе ; пер. с яп. В. Марковой. — М. : Худож. лит., 1985. — 223 с.
2. Катулл. Книга стихотворений / Гай Валерий Катулл Веронский. — М. : Наука, 1986. — 302 с.
3. Маршак С. Сочинения : в 4 т. / С. Маршак — Т. 3 : избр. пер. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1959. — 815 с.
4. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин. — 3-е изд. — М. : Наука, 1962–1966.
5. Сидур В. Памятник современному состоянию: миф / Вадим Сидур. — М. : Вагриус, 2002. — 512 с.
6. Сидур В. Самая счастливая осень: стихотворения 1983–1986 гг. / Вадим Сидур. — М. : Постоянная экспозиция работ Вадима Сидура, 1990. — 160 с.
7. Сидур М. Вадим Сидур: очерк творчества на фоне событий жизни / М. В. Сидур. — М. : Моск. гос. музей В. Сидура, 2004. — 247 с.